

MAIKOV

DVIE
SUD'BY

PG 3337
.M2.D8
1845

PG 3337

.M2 D8

1845

Сору 1

ДВѢ СУДЬБЫ,

БЫЛЬ.

АПОЛЛОНА МАЙКОВА.

Санктпетербургъ.

1845.

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

Class БЗ 12.7

Book Д

YUDIN COLLECTION

Майков, Аполлон Николаевич, 1821-1897.

ДВѢ СУДЬБЫ,

Быль.

Майков
АПОЛЛОНА МАЙКОВА.

Санктпетербургъ.

1845.

PG3337
.M2D8
1845

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконен-
ное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Декабря 30-го дня 1844.

Ценсоръ А. Наквтенко.

Въ типографіи Эдуарда Праца.

95-212877

ДВѢ СУДЬБЫ,

БЫЛЬ.

„Кто болѣе достоин сожалѣнія? Чья судьба ужаснѣе?..
Уви! я не смѣю прознести приговора...“

Хоръ изъ Софокловой трагедіи:
„Трахинійки.“

Глава первая.

I.

На креслахъ , предъ раствореннымъ окномъ ,
Одинъ сидѣлъ больной Карлино. Сладко
Дыша въ тѣни прохладнымъ вѣтеркомъ ,
Онъ отдыхалъ , избитый лихорадкой.
Онъ снова жизнь улыбкою встрѣчалъ ,
Въ ней помня радости , забывши муки,

*

И весело , какъ-будто по разлукъ ,
Знакомые предметы узнавалъ :

II.

Въ углу кумиръ языческаго бога —
Отрытый имъ въ саду, безъ рукъ, безъ ногъ...
«Богъ дастъ, онъ думалъ, сыщется знатокъ,
Дастъ пятьдесятъ піастровъ : мнѣ подмога...»
На золотъ Мадонна со Христомъ,
Сіэнскихъ старыхъ мастеровъ работа,
Рядъ древнихъ копій съ Линни иль съ Джіотта,
Оставленныхъ ему еще отцомъ ;

III.

На полкѣ книги : да, о человекѣ
Вы можете навѣрно заключать
По избранной его библіотекѣ,
Въ его душѣ, въ понятіяхъ читать :
Лежали тамъ комедіи Гольдони,
Исторія Мадонны и Святыхъ,
Либретто оперы, стихи Тассони,
Да календарь процессіи храмовыхъ...

IV.

Какъ старый другъ, онъ встрѣтилъ ихъ улыбкой ;
Потомъ на даль онъ перевелъ свой взоръ...
А что за виды съ Фраскатанскихъ горъ !
Тамъ дерева лозой обвиты гибкой ;
Тамъ въ миртовыхъ аллеяхъ пышныхъ вилль
Статуи, бюсты, мраморныя группы ;
Тамъ римскихъ пинъ зонтообразны купы
И кипарисъ, печальный другъ могиль...

V.

Какъ радъ онъ былъ, что снова видитъ дивный
Въ туманъ очеркъ купола Петра,
И въ Римъ дорогу лентою извивной
Между руинъ... а ужъ была пора ,
Какъ солнце гасло, ночь шла отъ востока,
И слышно на долинъ лишь дроздовъ,
Да караванъ навьюченныхъ муловъ,
Гремушками звенящій издалика.

VI.

Не долго нашъ больной покоилъ взоръ
На дали и долиной любовался ;

Заботливо порой онъ обращался
Въ соседній виноградникъ черезъ заборъ ;
Онъ видитъ тамъ, межъ листьями мелькая,
Въ корсетъ аломъ, бѣлою рукой
Пригнувъ лозу, смуглянка молодая
Срываетъ съ вѣтки гроздій золотой.

VII.

Пурпурный лучъ мерцающей денницы
Ея античный профиль озлащаль,
И смоль косы, и черныя рѣсницы,
И покрывало пышно обагрляль.
— «Нинета!» — ей кричитъ онъ черезъ ограду,
И тотчасъ, легче серны молодой,
Съ корзинкою златаго винограду
Влетѣла дѣвушка въ его покой.

VIII.

«Проснулся ты? Тебѣ, Карлино милый,
Сегодня лучше?... Знать не даромъ я
Поутру въ монастырь святой ходила
Къ обѣднѣ и молилась за тебя.
Я отнесла Мадоннѣ ожерелье.»

И цѣловала дѣва-красота,
Рѣзвась, едва не плача отъ веселья,
Устами алыми его уста.

IX.

«Нинета! ты все прежняя рѣзвушка!
Будь и всегда такая; и въ тѣ дни,
Какъ будемъ мы, Господь тебя храни!
Я — дряхль и хиль, ты — добрая старушка.
Какъ мнѣ легко! какъ весель я душой!
Я будто вновь родился, и родился
Къ блаженству.... Этотъ вечеръ, ты со мной....
Какъ будто ангель съ неба мнѣ явился....

X.

«Ахъ скоро-ль я женой тебя введу
Въ свой домъ! Пора! нашъ домикъ будетъ раемъ.
Хозяйкою ты станешь.... мы сломаемъ
Докучливый заборъ въ твоемъ саду.
Взгляни: мой виноградъ, въ твой садикъ, къ лѣзамъ
Твоимъ черезъ заборъ перебрался,
Твой олеандръ къ моимъ пригнулся розамъ,
И плющъ мой вокругъ него перевился.

XI.

Все любитя вкругъ насъ! Мы другъ для друга
Назначены судьбой!» — Упоена,
Молчала Нина. Думала ль она
О счастьи, какъ будетъ мать, супруга,
Жалѣла ли дѣвичьихъ вольныхъ дней,
Иль страстныхъ словъ она не понимала;
Но молча имъ, разсѣянно внимала,
Какъ колыбельной пѣсенкѣ своей....

XII.

Такъ слѣдуетъ головкою стыдливой
Цветокъ полей движеньямъ вѣтерка,
Такъ носится струями ручейка
Листокъ заблудшій.... Бурные порывы
И бѣсъ любви ея не трогалъ сна,
Въ ея душѣ ключомъ не билъ, не стучалъ;
Къ любви Карлино искренней она
Еще привыкла въ пору игръ и куколъ.

XIII.

Въ ея душѣ читалъ онъ какъ на днѣ
Прозрачнаго ручья: мечты, желанья,

Вся, вся она была его созданье;
Какъ юнаго орленка въ вышинѣ
Отецъ и мать, слѣдилъ онъ мысли Нины,
Лелѣяль миръ души и сердца сонъ;
А сердце спало въ ней, какъ средь пеленъ
Младенецъ спитъ: про то не зналъ Карлино.

XIV.

Какъ сердце спало? стало быть она,
Не зная любви, Карлино не любила?
Зачѣмъ же въ монастырь она ходила
О немъ молиться? отчего одна
Она въ дому его? и даже, Боже!
Чтожь ничего она не говоритъ,
Какъ онъ ее цѣлуетъ? Что за стыдъ!
Вѣдь ни на что все это не похоже!

XV.

Позвольте, все вамъ вѣрно объясню;
Но расскажите мнѣ, когда угодно,
Зачѣмъ мы часто любимъ такъ свою
Собаку старую, халатъ негодный,
Одну все трубку, няню, старый домъ,
Тетради школьныя?... а если будемъ

Должны ихъ бросить? Бросимъ и уйдемъ !
Къ вещамъ привычка ! Точно тожь и къ людямъ,

XVI.

Покуда ихъ та мысль не потрясла,
И сердца ихъ та страсть не взволновала,
Которая въ душѣ у насъ росла,
Бушуетъ въ ней или отбушевала...
Подобныхъ встрѣчъ не много намъ дано,
И съ близкими мы часто какъ съ чужими...
Иныхъ же встрѣтишь... Кажется давно
Видалъ ихъ, зналъ, страдалъ и думалъ съ ними.

XVII.

Какъ къ воздуху своихъ фраскатскихъ горъ,
Какъ къ небесамъ безоблачнымъ Сабини,
Какъ къ амбрѣ розъ, привыкло сердце Нины
Къ слѣпой любви Карлино съ давнихъ норъ.
Въ ней даже мысли небыло тревожной,
Что и другихъ любить ему возможно...
А ей?... но вотъ ударило кольцо,
Какой-то гость идетъ къ нимъ на крыльцо.

XVIII.

Широкій плащъ свой на плечо закинувъ ,
На брови шляпу круглую надвинувъ ,
Вошелъ онъ къ нимъ. Овальное лицо,
Высокій лобъ и очи голубыя,
И русый усъ и кудри золотыя,
Все означало въ немъ, что онъ былъ сынъ
Иной земли, небесъ, иной природы,
Не обожженный солнцемъ Аппенинъ,
Не оживленный дикою ихъ свободой.
Умѣніе собою управлять,
Морщины раннія и думъ печать,
Во всѣхъ пріемахъ легкая небрежность
И благородство, говорили въ немъ,
Что онъ рожденъ и росъ въ краю такомъ,
Гдѣ съ юныхъ лѣтъ души порывъ и нѣжность
Подавлены; гдѣ страсть — раба ума,
Жизнь — маскарадъ, природы гласъ — чума!...

XIX.

Онъ русскій былъ, дитя страны туманной,
И жилъ давно уже въ краю чужомъ....
Его хозяйка, сора Маріанна,
Бывало, говорила такъ о цемъ :

«Онъ малый скромный, платить аккуратно,
И добръ : моимъ ребятамъ завсегда
Даетъ гостинца ; только иногда
Такъ грустенъ , бѣдный ! Впрочемъ и понятно :

XX.

«Вѣдь онъ язычникъ... Можетъ быть, Господь
Погибшаго печалью посѣщаетъ.
Дай Богъ ему спасти свой духъ и плоть !
Легко-ль ! не вѣрять въ Папу онъ ! Бываетъ,
Что цѣлый день проводитъ онъ какъ тѣнь
За книгами , или въ долинь бродить,
Иль блажь такая на него находить ,
Что на конь онъ рыщетъ цѣлый день.»

XXI.

Владиміръ (такъ мы гостя назовемъ),
Былъ пораженъ сей мирною картиной:
Полубольной Карлино , и при немъ
Облокотясь на спинку кресель Инна ;
И мать ея (простите , я забылъ
Вамъ возвѣстить ея приходъ) глядѣла
На юную чету, и какъ ясна
Ей будущность !... а по небу свѣтили

Небесныхъ лики ночь разоблачала,
И дымка влажная ночныхъ паровъ
Вилась вокругъ руинъ, гробницъ, холмовъ,
Дышали розы... музыка играла...

XXII.

Владимиръ.

На югъ лишь сходить, только въ этотъ рай,
Подобный вечеръ...

Карлино.

— А у васъ, далеко

На сѣверъ не то?

Владимиръ.

— О нѣтъ, жестоко

И зло природой нашъ обиженъ край.

Карлино.

За то, синьоръ, вы сильны, вы богаты?

Владимиръ.

Да, но ни солнца, ни небесъ иныхъ

Не прикупить за дорогую плату:

И что намъ въ нихъ, въ богатствахъ покупныхъ?

Карлино, вѣрьте, право, я желалъ бы

На вашемъ мѣстѣ быть, клянусь душой.
Я жилъ бы здѣсь спокойно, изучалъ бы
Міръ древности и отдыхалъ порой
Подъ сѣнью моего же винограда;
И умереть была бы мнѣ отрада,
Я зналъ бы что поплакать, помечтать
Прійдетъ на гробъ мой другъ любимый.

Нина.

— Боже!

Карлино былъ мнѣ съ дѣтства братомъ...

Владиміръ.

— Чтоже?

Нина.

И только, больше ничего сказать
Я не хочу.

Владиміръ.

Простите мнѣ, сеньора,
Но видъ блаженныхъ южныхъ странъ во мнѣ
Рождаетъ грусть; и о родной странѣ
Во мнѣ болѣетъ мысль, полна укора;
Мнѣ грустно; я хандрю еще сильнѣй,
А тяжело на душѣ, языкъ вольнѣй,
И говоришь о томъ, что такъ тревожить.

Но впрочемъ васъ мой сплинъ занять не можетъ ,
Вы счастливы , какъ можетъ быть счастливъ
Здѣсь человекъ.»

Онъ замолчалъ , сдвинувъ

Украдкой грустный вздохъ въ груди. Карлино

Сжалъ руку Нины , тихо обративъ

Къ ней полные восторгомъ свѣтлымъ взоры ;

Она молчала , очи устремивъ

На дальнія , темнѣющія горы.

Глава вторая.

I.

Въ дни древности питомцы Эпикура ,
Средь мраморовъ , подъ шумъ падающихъ водъ ,
Подъ звуки лиръ , въ честь Вакха и Амура ,
Здѣсь пиромъ оглашали пышный сводъ .
Толпы невольницъ , розами убранныхъ ,
Плясали вокругъ скелетовъ увѣчаныхъ ;
Спѣшили жить они пока вино
Въ ихъ кубкахъ было ярко и хмѣльно ,
Пока любовь играла пылкой кровью ,
И цвѣлъ вѣнокъ , сплетенный имъ любовью .

II.

Они все тѣ жь , Авзоніи сыны !
Ихъ пиръ гремитъ при пѣсняхъ дѣвъ румяныхъ ,
Въ виду руинъ — скелетовъ увѣчаныхъ
Плющомъ и миртомъ огненной весны .

Межь тѣмъ какъ смерть и міра отверженье
Въщаетъ имъ монаховъ мрачній клиръ,
Въ землѣ вскипаетъ лава разрушенья —
Блеститъ вино, поетъ веселый пирь
И царствуетъ богиня наслажденья!)

III.

Какъ я люблю Фраскати въ праздникъ лѣтній!
Лавръ, кипарисъ высокой головой,
И розъ кусты, и миртъ, и дубъ столѣтній
Рисуются такъ ярко на густой
Лазури неба и на дымкѣ дали,
На блѣдномъ перломурѣ дальнихъ горъ.
Органъ звучитъ торжественно. Соборъ
Гирляндами увить. Въ домахъ албютъ
Пурпурные ковры изъ оконъ. Тутъ
Съ хоругвями по улицамъ идутъ
Процессіи монаховъ; тамъ пестрѣютъ,
Шумятъ толпы; лучъ солнца золотой,
Прорвавши сводъ алмеи въковой,
Вдругъ обольетъ невѣдомымъ сіяньемъ
Покровъ, главу смуглянки молодой:
Картина полная очарованьемъ!
Для пришлеца, она какъ пышный сонъ!

Ее любилъ Владиміръ ; тихо онъ
Бродилъ ; но посреди толпы и шума ,
Обычная тѣснилася въ немъ дума .

IV.

Любилъ онъ видѣть праздникъ сей живой
И типъ племенъ въ толпѣ разнонародной .
Какая смѣсь ! Сыны страны холодной
Сюда стеклись , гонимые хандрой :
Тамъ пѣмецъ жесткій , будто пня отрубокъ ,
Съ сигарою и флегмою своею ,
И фраскатанка съ пѣгой алыхъ губокъ
И съ молніей полуденныхъ очей ;
Французъ , въ своихъ приемахъ утонченный ,
И селянинъ Кампаніи златой
Съ отвагою и ловкостью врожденной ;
И важный бриттъ , предлинный , препрямой ,
Всѣхъ сущихъ гидовъ строгій комментаторъ ,
И подлѣ — огненный импровизаторъ .

V.

А русскіе ?... Тамъ много было ихъ ,
Но уклонялся русскій нашъ отъ нихъ .
Какъ сладко намъ среди чужихъ нарѣчій
Вдругъ русское словечко услыхать !

Такъ радъ! готовъ какъ друга ты обнять
Всю Русь святую въ незнакомой встрѣчъ!
Захочется такъ много разсказать
И распросить... но вотъ ударъ жестокий,
Когда въ своихъ объятіяхъ найдешь
Все тѣхъ же, отъ кого бѣжалъ далеко,
Какъ горько тутъ порывъ свой проклянешь!

VI.

Тотъ вывезъ изъ степей все то жъ татарство,
Средь пышности ничтожность, пустоту,
Тшеславіе-наслѣдственнаго барства
Или вчерашнихъ титуловъ тщету;
Безъ мнѣнья голова; а рѣчь педанта;
Все русское ругаетъ на-повалъ;
Все чуждое превыше всякихъ хвалъ;
Всего коснется — отъ червя до Данта;

VII.

Санъ вѣсь даетъ рѣчамъ его тупымъ;
Осудить онъ какъ-разъ Микель-Анджело,
И приговоръ его непогрѣшимъ
Какъ приговоръ подписаннаго дѣла.
Отчаянный въ рѣчахъ радикалистъ,

Иль демагогъ или буйный кондотьери,
А между тѣмъ вчера дрожалъ, какъ листъ,
Вельможъ блестящихъ у приѣмной двери.

VIII.

Другаго есть покроя молодцы :
Тѣ чужды всѣмъ идеямъ басурманскимъ,
Ихъ храмъ Петра ничто передъ Казанскимъ,
И лучше винограда огурцы ;
По нимъ, весь западъ сгнилъ въ мечтахъ бесплодныхъ,
И Тьеръ, Гизо, О'Коннель-дураки,
... то разъ счастливые свободивши
... живутъ изъ крепостные мужики

IX.

На блѣдныя смотря ихъ поколѣнья,
Владиміръ часто думалъ : Боже мой !
Ужели плодъ наукъ и просвѣщенья
Купить должны мы этой пустотой,
Ничтожностью, развратомъ униженья ?
О русскіе, вѣдь былъ же вамъ разгулъ
Среди степей, вдоль Волги и Урала,
Гдѣ воля духъ вашъ въ брани укрѣпляла ;
Вѣдь доблестью горѣлъ вашъ гордый взоръ

Когда вы шли на Ярославовъ Дворъ,
И вдохновенныя ^{свободныя} ~~свободныя~~ рѣчи
Рѣшили споръ на новгородскомъ вѣчѣ;
Не разъ за честь родной своей земли
Вы города и храмы ваши жгли,
Несклонные нести, въ уничиженьѣ,
Чужую цѣпь и стыдъ порабощенья:
Уже ль когда мессія нашъ возсталъ,
Васъ пробудилъ, и мѣръ открылъ вамъ новый,
Въ васъ мысль вдохнулъ, вамъ жизнь иную далъ, —
Не вняли вы его живое слово,
И гласъ его въ пустынь прозвучалъ?
И, грустные, идете вы какъ тѣни,
Безъ силы, безъ страстей, безъ увлеченій?
Или была наука вамъ вредна?
Иль, дикаго растливъ, въ вашъ духъ она
Не пролила свой пламень животворный?
Иль, лѣнию окованнымъ позорно,
Не по-плечу вамъ мысли блескъ живой?
Упорнымъ сномъ вы платите ль Батью
Досель дань, и плодъ ума порой,
Какъ лишній соръ, сметается въ Россію?
И не зажгла наука въ васъ собой
Сознанія и доблестей гражданства,
И будетъ вамъ она кафтанъ чужой,

Печальное безличье обезьянства?...
.....

X.

Родной языкъ, языкъ баяновъ давныхъ,
Боярскихъ Думъ и княжескихъ пировъ,
Ты изгнанъ изъ блистательныхъ дворцовъ!
Родной языкъ, богатый какъ природа,
Хранитель слезъ, надеждъ и думъ народа,
Чѣмъ сталъ ты? чѣмъ? Невѣжества клеймомъ
И рвчью черни; баринъ именитый,
Увы! теперь съ тобою незнакомъ,
И русскихъ дѣвъ сердца тебѣ закрыты:
Теперь тебя красавицы уста
Стыдятся, какъ позора убѣгая, —
Что жъ будешь ты, о рѣчь моя родная,
Ты, лучшая устъ женскихъ красота?

XI.

Владиміръ создалъ для себя пустыню
Въ своемъ быту. Онъ русскихъ убѣгалъ,
Но родину, какъ древнюю святыню,
Какъ мать любилъ, и за нее страдалъ
И веселился ею. Часто взоры
Онъ обращалъ на снѣговья горы

И свѣжій вѣтръ вдыхалъ онъ съ ихъ вершинъ,
Какъ хладный вздохъ родныхъ своихъ долинъ.

XII.

Да, посреди полуденной природы,
Онъ вспоминалъ про шумъ своихъ дубровъ,
И русскихъ рѣкъ раскатистыя воды,
И мракъ, и тайну вѣковыхъ лѣсовъ :
Онъ слышалъ гулъ ихъ съ самой колыбели,
И помнилъ какъ, свои качая ели,
Вся стономъ стонетъ русская земля ;
Тотъ вопль былъ свѣжъ въ душѣ его, какъ стоны
Богатыря въ цѣпяхъ. Средь благовонной
Страны оливъ, онъ вспоминалъ поля
Широкія и прудъ позеленѣлый ,
Рядъ дымныхъ избъ, домъ барскій опустѣлый ,
Гдѣ росъ онъ , домъ , исполненный затѣй
Тогда псарей , актеровъ , трубачей ,
Всѣхъ прихотей россійскаго боярства ,
Умѣвшаго такъ славно вѣкъ канать ,
Успѣвшаго такъ дивно сочетать
Европы лоскъ и варварство татарства.

XIII.

Какъ Колизей , боярское село

У насъ свою исторію имѣеть.
Одна у всѣхъ : о домъ , гдѣ светло
Жилъ дѣдъ его , наследникъ нерадѣеть.
Платя хандрой дань вѣку своему,
Онъ какъ чужой въ родномъ своемъ дому ;
Ища напрасно въ общей жизни пищи ,
Не можетъ онъ забыться средь псарей ;
Сокрывшися въ отеческомъ жилищѣ ,
Ругаетъ свѣтъ , скучая безъ людей.

XIV.

Ахъ , отчего мы старѣмся рано ,
И скоро къ жизни холодѣемъ мы !
Вдругъ никнетъ духъ , черствѣютъ вдругъ умы !
Едва восходъ блеснетъ зарей румяной ,
Едва дохнетъ зародышъ вышнихъ силъ ,
Едва зардѣетъ пламень благородный ,
Какъ вдругъ , глядишь , завяль , умолкъ , остылъ ,
Заглохъ и сгибъ , печальный и безплодный...
О Боже ! влей въ жизнь нашу полноту ,
Пролей въ пустой сосудъ напитокъ силы ,
И мыслию проникни пустоту ,
Сознаемъ укрѣпи нашъ духъ унылый !

XV.

Пошли еще пророка намъ , и мы
Увѣруемъ въ его живое слово ;
Пусть просвѣтитъ онъ хладные умы ,
Повѣдаетъ кто мы ? зачѣмъ громовый
Орелъ нашъ сталъ могучъ своимъ крыломъ ?
Зачѣмъ на насъ глядятъ въ недоумѣнь ,
Со страхомъ , всѣ земныя поколѣнья ?
Что новаго мы въ жизнь ихъ принесемъ ?
Зачѣмъ на насъ , какъ на звѣзду полночи ,
Устремлены съ надеждой теплою очи
Печальныхъ нашихъ братіевъ — Славянъ ,
У снѣжныхъ Альпъ , въ ущеліяхъ Балканъ ?

XVI.

Изъ сей главы, печальной и угрюмой ,
Изъ этихъ чертъ глубоко-тяжкой думы ,
Поймете вы , какъ мыслилъ мой герой —
Въ тѣ дни еще , когда въ груди молодой
Есть жизнь , и въ ней волканомъ бродитъ
Все , изъ чего потомъ въ душъ выходитъ
Осадокъ жалкій — черная хандра !

.....

XVII.

Сей пустотой душевною, жестокимъ
Удѣломъ нашимъ, мой герой страдалъ.
Онъ дома видя все одно, скучалъ,
И увлеченъ всеобщимъ былъ потокомъ :
Наполнить жизнь и душу онъ хотѣлъ .
Оставивши отеческій предѣлъ ,
Среди иныхъ людей, въ краю далекомъ .

XVIII.

И посѣтилъ онъ новыи Вавилонъ ,
Короля маршала въ жизни вѣчно новой
Тотъ члнъ китить свободенъ вдорновленн
на подвигъ доблести всегда готовый

Нашелъ ли онъ себѣ отраду въ немъ ?
Онъ чувствовалъ, средь общаго волненья,
Среди торжествъ, побѣдъ иль пораженья,
Онъ все чужой на праздникъ чужомъ...
Вкругъ жизнь кипитъ : витійствуютъ палаты,
Рѣшается давно-зачатый споръ , —
Тамъ каждый, въ сей божественной, богатой,
Общественной комедіи актёръ...
А онъ пришлецъ, онъ незванъ и неспрошенъ,
На чуждый пиръ судьбой случайно брошенъ !

XIX.

То завистью, то скорбію томясь,
Жизнь сихъ племень кипящихъ, юныхъ вѣчно,
На небеса Италіи безпечной
Онъ промѣнялъ, и думалъ онъ не разъ --
Тамъ, посреди святыхъ ея трофеевъ,
Среди ея руинъ и мавзолеевъ,
Тамъ, въ сумракъ старинныхъ галерей,
Предъ мраморомъ античнаго ваянья,
Среди святынъ ея монастырей,
Библіотекъ ученаго молчанья,
Доступны всѣмъ и пища и покой,
И царство думъ съ восторгомъ и мечтой. ...

XX.

Онъ правъ: искусствъ въ глубокомъ созерцаньи
Найдешь пріютъ для сердца, головы;
Но здѣсь, среди людей?... вотъ праздникъ шумный;
Съ какимъ огнемъ и радостью безумной
Толпы бѣгутъ... но нашъ пришлецъ, увы!
Ужъ новости въ народномъ пучинелѣ
Не находилъ; его скрипачъ слѣпой,
Какъ юныхъ дѣвъ собравшихся толпой,
Не призы валъ къ веселой сальтарелѣ.

XXI.

Пускай себѣ подѣ небомъ золотымъ
Поетъ народъ за кубкомъ круговымъ.
Пусть пляшетъ тамъ смуглянка молодая,
Какъ вдохновенная передѣ кружкомъ,
То тоная звенящимъ башмачкомъ,
То тамбуринъ гремячій потрясая...
Онъ поглядѣлъ на нихъ, а тамъ опять
Задумался и снова сталъ скучать.
Въ любимыхъ думахъ тяжкія сомнѣнья
Тѣснились въ немъ. Ина уединенья,

XXII.

Оставилъ онъ пирующій народъ
И на гору направилъ путь. Идетъ,
И вотъ предѣ нимъ часовня. Вязъ зеленый
Надъ ней раскинулъ листьевъ темный сводъ,
И теплилась лампада предѣ Мадонной.
Двѣ женщины склонились передѣ ней :
Старушка Ave Maria читала,
И подлѣ Ина грустная стояла.
Въ ея рукахъ вънокъ былъ изъ лилей,
И капли слезъ струились изъ очей...

XXIII.

«У счастья свои есть тоже слезы!»

Владимиръ думалъ: «Боже, какъ бы я

Желалъ такъ плакать! (Да! молись, дитя!

Твоей души младенческія грезы

Такъ сладостны... О, проклять будь стократъ,

Кто у тебя отыметъ этотъ кладъ, —

*Не вѣтъ проговѣва въ этой милой молитвѣ
И дѣвочки мистическимъ молитвеннымъ*

XXIV.

О комъ, о чемъ молилася она?...

Не шепчуть словъ уста полуоткрыты...

Я вѣрю, не была заучена

Ея молитва въ школь Езуита:

Въ ней не было опредѣленныхъ словъ,

Но теплое и смутное сліянье

И чувствъ и мысли, страха и желанья...

Пугалъ ли Нину тайный мракъ годовъ?

О другъ-ль дѣтства кроткія молитвы?

Или о томъ кто вынесъ жизни битвы?

То тайна сердца дѣвы, и она

Владѣеть этой тайною одна.

Глава третья.

Владиміръ не хотѣлъ своимъ явленіемъ
Смутить молитвъ ихъ таинство; какъ бѣсъ,
Предъ свѣтлымъ праздникомъ (его сравненіемъ
Я пользуюсь) въ аллеѣ онъ исчезъ.
А тамъ ему на встрѣчу смѣхъ и споры,
И кинулся ему на шею вдругъ
Пріятель, Графъ ***.

Графъ.

— Здравствуй другъ!

Скажи, гдѣ ты? Ужъ вотъ, недѣля скоро,
Я здѣсь живу и все тебя искалъ.
Былъ у тебя, ни разу не засталъ...
Ты схимникъ сталъ... Имѣю честь поздравить!
Здоровъ ли? Но позволь тебѣ представить...
Попутчикъ: вмѣстѣ ѣхали мы въ Римъ.

Владиміръ.

— Ахъ очень радъ.

— Имъю честь... я статскій
Совѣтникъ, Левъ Иванычъ Таракацкій.
А съ кѣмъ имъю честь?...

Владиміръ.

— *** —

Левъ Иванычъ.

— Чинъ?

Изволяли служить?

Владиміръ.

— Служилъ.

Левъ Иванычъ.

Въ отставку?

Графъ.

Э, послѣ, Левъ Иванычъ, ваши справки
Вы наведете.... Какъ живешь?

Владиміръ.

— Одинъ,

Какъ видишь, хорошо.

Графъ.

— Ты зналъ княгиню
Донскую? Здѣсь она.

Владиміръ.

— Мнѣ все равно.

Графъ.

Я здѣсь нашелъ родни своей, графиню
Терентьеву.

Владиміръ

— Ты знаешь, я давно

Не ѣзжу въ свѣтъ.

Графъ.

— Но нѣтъ, вѣдь мы иную

Здѣсь жизнь ведемъ. Я нынче не танцую.

Владиміръ.

— Что-жь? дипломатомъ сталъ?

Графъ.

— Совсѣмъ не то.

Кузина, я, княгиня, Мсье Терто,
Одинъ французъ, мы вмѣстѣ изучаемъ
Здѣсь древности. Мы смотримъ, и читаемъ,
И споримъ... Прелесть этотъ древній Римъ,
Гдѣ Колизей и Термы Каракаллы!
Поэзія! не то что Фински скалы!
Жаль умеръ Байронъ! мы бы вѣрно съ нимъ
Свели знакомство! съ Байрономъ бы вмѣстѣ

Желалъ я създать ночью въ Колизей!
Послушалъ, что бы онъ сказалъ на мѣсть,
Прославленномъ величьемъ древнихъ дней!
Какъ думаешь? вѣдь это бѣ было чудо!

В л а д и м и р ъ .

За немѣнемъ Байрона, покуда
Я вамъ скажу, что лучше вамъ вѣсть сыръ,
Пить Лакрима, звать на Торденонъ,
Да танцовать на балъ у Торлони,
Съ графинями не вѣдя въ древній мѣръ.

Г р а ф ъ .

Нѣтъ, ты жестокъ, и ты меня не знаешь.
Донская ангелъ.... Но ужели ты
Такъ золь? Ужель ты вправду полагаешь,
Что мы не чувствуемъ всей красоты
Италіи? природа и искусства
Раждаютъ въ насъ совсѣмъ иныя чувства.

Л е в ъ И в а н ы ч ъ .

Помилуйте! я тоже испыталъ
И на себѣ. Конечно мнѣ въ Россіи,
Жить дома — лучше: связи и родные,
Карьера вся, почтенье.... но я сталъ

Совсѣмъ иной, и мысли все такія,
Которыхъ не видалъ бы и во снѣ.
Я многое здѣсь очень оуждаю ;
Бездомность , жизнь въ сабѣ я осуждаю ;
Но многого и нѣтъ въ иной странѣ.
Не правятся мнѣ Торсы, Аполлоны ,
Но какъ за то понравилися мнѣ
Здѣсь обелиски ! Вѣчныя колонны
Вездѣ однѣ.... и мысль есть у меня,
Какъ замѣнить колонну обелискомъ ;
И въ Петербургъ писать намѣренъ я ,
Подать проектъ.... сначала людямъ близкимъ....
Коммиссію нарядятъ для того:
Построить портикъ, оперевъ его
На обелиски.... Какъ моя затѣя
Вамъ правится ?

Владиміръ.

Чудесная идея !

Исакій, жаль, къ концу уже идетъ.

Графъ.

Да, точно.

Владиміръ.

Жаль, идея пропадетъ.

Левъ Ивановичъ.

Вотъ видите , вліяніе какое
Италія имѣетъ на умы ;
Перерождается въ ней тотчасъ мы.

Владиміръ.

О да, ея вліянье роковое !
Студентъ , совѣтникъ статскій , генераль ,
Чуть воздухомъ подышетъ Буонаротти ,
Глядишь , ужъ знатокомъ , артистомъ сталъ ,
Совсѣмъ иной по духу и по плоти !
Въ Венецію ступайте : тамъ , гдѣ Дождь....

Левъ Ивановичъ.

Поѣду, но въ какомъ же отношеніи
Венеція такъ интересна ? Что жъ
Особенно въ ней стоитъ осмотрѣнья ?

Владиміръ.

Какъ для кого. Васъ гондолы займутъ,
Быть можетъ, тамъ ; на Ривъ балаганы,
Паяцы, доктора и шарлатаны,
Иль музыка — по вечерамъ поютъ
На площади — все это такъ пріятно !

*

Левъ Иванычъ (*таинственно.*)

Остатки все республики, понятно!

Графъ.

А женщины! какая красота!

Левъ Иванычъ.

Для женщинъ я ужъ старъ, не тѣ лѣта,
И ужъ пора домой, къ женѣ и дѣткамъ.

Графъ.

Соскучился ужъ Левъ Иванычъ нашъ,
Все просится къ своимъ гусямъ, насѣткамъ.

Левъ Иванычъ.

Такъ созданъ я и не пересоздашь.
Взгрустнется разъ иной: все бѣ отдалъ, право,
За свой кружокъ, домашній самоваръ,
Да борщъ, да щи вчерашніе съ приправой.
Да костоломный русской бани паръ.
Что батюшка? а санки бѣговья?
Рысакъ въ корню, дугою пристяжныя...
Я радъ, что я чужбину носѣтилъ,
А край родной, какъ худъ ни будь, все миль.

Владимиръ.

Прекрасно, Левъ Иванычъ, дайте руку!

Левъ Иванычъ.

Что, батюшка, вздохнулъ?

Графъ.

Ну, вошь пошли...

Чуть выѣхавъ изъ варварской земли
Оплакиваютъ Скиѣы съ ней разлуку!
О скиѣство!

Владимиръ.

Да, мы Скиѣы. Много въ насъ
Есть точно скиѣскихъ свойствъ.

Графъ.

Гиперборейцы!

Съ любовію къ лѣсамъ, къ степямъ, для васъ
Ей-ей, въ вѣкъ будутъ чужды Европейцы.
Нѣтъ, истинно разумный человѣкъ —
Космополитъ. Въ немъ душу восторгаетъ
Развитіе, успѣхъ; онъ наблюдаетъ
Какъ все впередъ, впередъ стремится вѣкъ,
И гдѣ успѣхъ, онъ тамъ отчизну видитъ.
Отсталое одно онъ ненавидитъ.
Жаль, некогда теперь мнѣ; подожди,
Nous discuterons — рѣшеніе впереди...

Но странно, ты не бросилъ за границей
Патріотическихъ своихъ идей?

Владиміръ.

Никакъ не могъ: во мнѣ еще сильнѣй...

Графъ.

Все вздоръ! повѣрь, окончишь ты больницей
Умалишенныхъ.... *Faut que je te quitte,*
Прощай, о князь!

Владиміръ.

Прощай, космополитъ!

Кто жъ правъ изъ нихъ? Ей-ей, рѣшить боюсь...

Какая сила въ этомъ словѣ — Русь!

Вдохнешь, его промолвя, глубоко;

И мысль поидетъ бродить такъ широко.

Грустна, какъ пѣсни русской переливы,

Безцвѣтна, какъ разгуль родныхъ равнинъ,

Гдѣ вѣтеръ льнетъ ко груди полной шивы,

Гдѣ все жилье — рядъ избъ, въ тѣни рябинъ,

А далѣ — небо блѣдными краями

Слилось съ землей, за синими лѣсами...)

Глава четвертая.

Когда впервые Нина услышала
Слова, какимъ дотолъ не внимала,
Когда нашла больную душу, ей
Казалось безмърно разстоянъе,
Межь ей и тъмъ, кто эти зналъ страданья.
Сперва зажглось лишь любопытство въ ней;
Потомъ ей втайнѣ сдѣлалось пріятно
Жалѣть о другѣ новомъ; непонятно
Къ нему неслись ея всѣ мысли; онъ,
Казалось ей, достоинъ лучшей доли —
А какъ помочь? въ ея-ли это воля?
Быть-можетъ, онъ озлобленъ, оскорбленъ,
И рождена она, какъ знать? съ призваньемъ
Вновь помирить его съ существованьемъ...

Владимиръ.

Что вашъ больной, Нинета ?

Нина.

Ничего,

Гораздо лучше. Нынче понемногу
Онъ сталъ гулять. Припадки у него
Все рѣже.

Владимиръ.

Стало быть, угодны Богу
Молитвы ваши ?

Нина.

Я за всѣхъ молюсь
Кого люблю.

Владимиръ.

Счастливецъ !

Нина.

Но Карлино...

Онъ не одинъ... Спирьоръ, я вамъ кажусь
Простою дѣвочкой ; — такъ — бѣдной Ниной ;
Вамъ кажется — гдѣ мнѣ васъ оцѣнить...

Но есть у женщинъ въ сердцѣ голосъ ясный ;
Что вамъ даютъ науки, можетъ быть,
У насъ врожденное : вѣдь вы несчастны,
Признайтесь ?

Владимиръ.

Кто же вамъ сказалъ ?

Нина.

Вашъ взглядъ

И сердце. Вы несчастны ?

Владимиръ.

Ради Бога,

Оставимъ это. У мужчины много
Есть въ сердцѣ струнъ, которыя молчатъ
И чужды въ женскомъ сердцѣ. Есть заботы,
Недуги есть, безвѣстные для васъ,
А ихъ лечить нѣтъ силъ и нѣтъ охоты
Ни у кого.

С. Тетя (мать Нины).

Да, да, неровенъ часъ.

Покойникъ мой былъ свѣжъ : однажды рано
Пришелъ домой : весь блѣденъ какъ сметана.

Сталъ охать, слегъ. Я къ доктору. Тотчасъ
Пустили кровь. Три доктора собрались —
И всѣ лечить бѣдняжку отказались.
Какъ стукнетъ часъ, такъ не уйдетъ никто.

Нина.

Ахъ маменька, да это вѣдь не то.

Свора Тета.

Ну какъ не то? Вотъ поживи на свѣтъ...
Но впрочемъ вы себѣ толкуйте, дѣти,
Мнѣ некогда и къ дѣлу своему
Пора.

Нина.

Скажите мнѣ : я васъ пойму!
У васъ, синьоръ, душевныя страданья?

Владимиръ.

Какъ вамъ назвать ихъ? Нѣту имъ названья!
Душевной пустотой? Нѣтъ! иногда
Душа полна восторга и въ волненье
Ее приводитъ доблесть, вдохновенье
И образъ гениальнаго труда...
Пль своимъ ума? Нѣтъ, онъ не спитъ и шумно
Работаетъ, и любитъ онъ труды;

Онъ труженикъ : какъ рудокопъ безумный,
Все роется и ищетъ онъ руды ;
Но до нея не можетъ онъ дорыться ,
И подрываетъ только то, что въ немъ
Святѣйшаго, небеснаго таится.

Нина.

Любили-ль вы ? Любимымъ существомъ
Вы были-ль поняты ?

Владиміръ.

Да, жизни розы,
Какъ говорятъ поэты, зналъ и я —
И тернъ ея я знаю. Жизнь моя,
Увы ! полна поэзіи и прозы
Двухъ страшныхъ словъ : любилъ и разлюбилъ !
Я многое достойно оцѣнилъ !
Была пора : всѣ жребіи земные,
Казалось, я въ рукахъ своихъ держалъ :
Для общества людей я посвящалъ
Всѣ чувства лучшія, мечты святыя,
На благо имъ, я думалъ, я рождень —
И могъ бы быть... Смѣшной и глупый сонъ !
Съ горячей головой, горячей кровью,
Въ душъ къ добру, къ прекрасному съ любовью,

Принести я думалъ на алтарь любви
Свой трудъ и славу, все мечты свои...
Гражданской доблестью кипѣлъ я рано...
Ахъ, бросимъ это, бросимъ! это рана
Болящая и женщинѣ вельзя
Ея понять... Въ груди ее нося,
Я дорожу ей: то знаменованье,
Что я рожденъ былъ жить для лучшихъ дней —
То лучшихъ чувствъ послѣднее дыханье!
Обманутый, весь пылъ моихъ страстей,
Все что цѣнилъ, я назвалъ пустяками;
Во всемъ тогда вдругъ усумнился я,
Что такъ срослось съ моей душой, съ мечтами.
Я колебался. Адская змѣя
Какъ-будто облила мнѣ душу ядомъ.
Бѣсился я, слѣпцомъ себя я звалъ...
Потомъ и сомнѣваться пересталъ,
И равнодушія былъ облитъ хладомъ;
И зло теперь меня не удивить,
Добро не поразить, не оживить —
Что жъ мнѣ осталось въ жизни?

И п а .

Безъ сомнѣнья

У васъ враги есть?

В л а д и м и р ь .

Нѣтъ ихъ къ сожалѣнью!

Или, когда хотите, самъ себѣ
Я врагъ. Зачѣмъ я раньше пламень чувства
Не утушилъ, покорствуя судьбѣ;
Не изучилъ безстрастія искусство;
Зачѣмъ я пылкій умъ не заморилъ
Въ бездѣйствіи: тогда бѣ какъ камень вѣчный,
Какъ статуя, — я прожилъ бы безопасно;
И подь конецъ конечно бы вкусилъ,
Всѣмъ прихотямъ судьбы своей покорный,
Нелѣпое блаженство жизни вздорной.
Не понимать, не видѣть, не слышать,
Безумцо лучшей цѣли не искать,
Не чувствовать мнѣ было бы отрадой,
И вѣчный миръ за то бѣ мнѣ былъ наградой!
А то теперь, всѣ прежнія мечты,
Всѣ высшія души моей начала —
Все злобный образъ демона пріяло!
И демонъ этотъ слѣдуетъ за мной;
Онъ съ красоты срываетъ покрывало;
Онъ между мною и трудомъ моимъ,
Межъ мной и другомъ лучшимъ; между мною
И женщиной — скелетомъ гробовымъ

Становится... Насмѣшливостью взоромъ
Спасаетъ ли меня въ грядущемъ онъ
Отъ новыхъ бѣдъ, мученій и укоромъ —
Не знаю, но имъ вѣкъ мой отравленъ.

Н и н а.

О Боже , Боже ! вы мечтатель страстный !
Страдаете вы только потому
Что вы одни , а волю дать уму,
Живя въ пустынь , тяжело и опасно.
Быть можетъ жизнь веселая недугъ
Излечитъ вашъ ; иль дружба... вѣрный другъ
Есть лучшая опора намъ въ страдань...
Любовь... она должна вамъ посвятить
Все , жизнь свою , мечты , существованье...
И вы ее найдете , можетъ быть...

И бѣдная , закрывъ лицо руками ,
Вдругъ залилась горячими слезами.

Глава пятая.

—

I.

Вы спросите , предъ дѣвочкой простой
Владиміръ для чего такъ откровенно
Все высказалъ , что было за душой ?
То былъ ли въ немъ или порывъ мгновенный ,
Иль хорошо рассчитанный ударъ ?
Хотѣлъ ли повторить онъ съ сердцемъ Нины
Урокъ давно затверженный въ гостинной ,
И этотъ вздохъ и этотъ чувства жаръ
И горечь жизни трудной и безцѣльной
Ужели все фальшиво и поддѣльно ?...
Да , трудно дать на то прямой отвѣтъ —
Какъ вамъ сказать.... И да и нѣтъ.

II.

Владиміръ былъ воспитанъ въ школъ свѣта.
Онъ зналъ любовь — и только разъ любилъ ,

Какъ любимъ всѣ мы въ молодья лѣта ;
Потомъ слегка, любовію шутилъ...
Онъ разъ любилъ : всѣ , думалъ , совершенства
Заклучены въ избранницъ его ;
Потомъ онъ понялъ (и прости блаженство !),
Что онъ любилъ себя лишь самого :
Что въ ней , какъ солнце въ морѣ , отражались
Лучи его мечтаній молодыхъ ,
Что видѣлъ въ ней все , что въ мечтахъ своихъ
Хотѣлъ онъ видѣть... но мечты умчались :
Онъ увидалъ , какъ сбросивъ маски съ лицъ ,
Избранницы его преображались
Въ боярынь изъ мечтательныхъ дѣвицъ ,
Въ Настасіи Лукьяновны изъ Пасты...
Не умеревъ однакожь отъ тоски ,
Онъ посмотрѣлъ на жизнь , на сердце , страсти ,
Анализа въ холодные очки.

III.

Какъ согласить всѣ эти переходы
Изъ нѣжныхъ дѣвъ въ боярынь онъ не зналъ ,
И блѣдностью полуночной природы
Онъ блѣдность лицъ и душъ ихъ объяснял.
Онъ овладѣлъ заманчивымъ искусствомъ
Играть , шутить и управлять ихъ чувствомъ ;

И даже иногда былъ такъ счастливъ ,
Что пробуждалъ къ высокому порыву
У нашихъ дамъ — сихъ жрицъ роскошной лѣби ,
Что погрузясь дивана въ мягкій пухъ ,
Покоятся какъ жены ханской сѣни ,
Откуда Гименей , какъ злой эвнухъ ,
Прогналъ и музъ и бога пѣснопѣннѣй...
Но съ тѣмъ прости пора волшебныхъ сновъ ,
И въ душу пустота легла невольно :

Ито. там. ... в. д. н. ... зерни ...
Не: там. ... в. д. н. ...

IV.

Такъ нашъ герой изъ этой свѣтской школы
Извлекъ урокъ печальный и тяжелый.
Онъ въ главный догматъ кодекса любви
(Любви дѣвицъ и мальчиковъ) не вѣрилъ :
На бытiе двухъ душъ родныхъ свои
Не полагалъ надежды ; чувство мѣрилъ
Не цѣлой вѣчностью , но онъ цѣнилъ
Минутное , быть можетъ , увлеченье
И къ горю дѣвъ , давно имъ говорилъ :
Вѣрше вѣчности одно мгновенье.

V.

А здѣсь , теперь ? Одинъ въ самомъ себѣ
Свидѣтель внутренней , глубокой драмы ,
Одинъ и зритель и атлетъ въ борьбѣ
Высокихъ чувствъ души съ судьбой упрямой , —
Невольно онъ предъ первымъ , кто спросилъ
Съ участіемъ : « о другъ мой , что съ тобою » —
Что было въ немъ довърчиво излилъ ,
И лѣтопись печальную раскрылъ
Предъ чистою , невинною душою...

VI.

Разъ встрѣтилъ онъ мать Нины. Смущена.
Какъ полоумная была она.
«Что ваша Нина?» — Нина? двѣ недѣли
Какъ все больна и не встаетъ съ постели;
Горячка страшная... Я день денской
Все на ногахъ... За что , за грѣхъ какой
О Господи , насъ посѣтилъ слезами !
Къ себѣ пускаетъ лишь одну меня.
Карлино не видалъ ея три дня.
Она зоветъ васъ , бредитъ только вами.
Прійдите къ намъ.

Владимиръ.

Какъ мнѣ?... Нѣтъ, мнѣ нельзя.

Мое явленіе можетъ быть опасно —
Я испугать ее могу. Напрасно
Бойтесь вы. Пройдетъ, увѣренъ я,
Ея болѣзнь. Горячки въ эти лѣта
Боятся нечего. Притомъ пора,
Мнѣ ѣхать надо, нынче въ ночь, до свѣта,
Прощайте, я уѣду до утра.

Съора Тета.

Какъ ѣхать? Что вы? Что вамъ торопиться?
У васъ квартира на годъ вѣдь. Что жъ такъ?
Куда?...

Владимиръ.

Еще не знаю.

Съора Тета.

Съ ней проститься

Вы не хотите?

Владимиръ.

Не могу никакъ.

VII.

Онъ понялъ все... Что жъ дѣлать? Надо
Бѣжать; бѣжать отъ новыхъ, тяжкихъ золъ

И, можетъ быть, отъ счастья и отрады.:.
Кто знаетъ, для него, быть можетъ, цвѣтъ
Въ сѣни олявъ и лавровъ фраскатанскихъ
Сей горный цвѣтъ на камняхъ тускуланскихъ ;
Затѣмъ, быть можетъ, *высшая рука*
Его вела чрезъ Альпы снѣговья ,
Въ сей пышный край звала издалека
И дни ему сулила золотые —
Такъ нашъ Владиміръ думалъ и мечталъ.
... ..

IX.

.....
О, женищинамъ удѣлъ завидный данъ —
Въ несчастіи — покорность и терпѣнье !

X.

И выдвинулъ онъ пыльный чемоданъ,
Сложилъ свои невѣщныя творенья —
Бумаги, гдѣ описывалъ онъ Римъ,
Десятки книгъ, пейзажи и портреты,
Всѣ древности отысканныя имъ,
И зарядилъ въ дорогу пистолеты.
«Въ путь, въ путь, друзья мои ! Въ краю иномъ,
По прежнему мы съ вами заживемъ !
Въ Россіи мирно лежа на лежанкѣ,

IX
Да востъ задолго отъ насъ въ старину
Тамъ же въ старину съ насъ отъ насъ
и въ старину въ старину
Камни, камни! Да въ старину
Всѣ радости старыя съ нами
Да въ старину въ старину
и въ старину въ старину

Не въ первый разъ намъ чувство подавлять ,
Утѣшимся ; а тамъ начнемъ писать
Еще стихи къ прелестной Фраскатанкѣ !
Конечно ихъ , по счастью , не прочтуть...
Но все меня поэтомъ назовутъ —
Поэтомъ быть — великая отрада !
Все думаютъ иначе онъ рожденъ ,
Иначе чувствуетъ и мыслить онъ...
О жизнь , о жизнь ! ты даръ небесъ иль ада ?

XI.

« Я ѣду. Долгъ и честь мнѣ такъ велятъ.
Но отчего , на *подвигъ благородный*
Рѣшившись , ни грустенъ я , ни радъ
Особенно ? съ рѣшимостью холодной
Мнѣ все равно идти что въ смертный бой,
Что за обѣдъ
Плодъ это сплина или воспитанья ?

XII.

« Да , Нину испугала пустота
Моей души. Душа безъ упованья ,
Безъ пламенныхъ стремленій и мечтанья !
Исторія жь ея или проста ,
Какъ хроника монаха-грамотѣя ,

Иль полная , живая эпопея.
Все дѣло въ томъ лишь , какъ ее понять.
Есть случаи, и ихъ ни рассказать ,
Ни описать — а сколько въ нихъ значенья ,
Думъ сладостныхъ , для сердца вдохновенья!
Хоть наша встрѣча... какъ тутъ описать?
Съ Наташей... странная еще отрада
Мнѣ въ имени ея и до сихъ поръ.
Казалось намъ — и съ перваго ужъ взгляда
Что дружны мы давно , и разговоръ
Нашъ былъ какъ бы друзей давнишнихъ ; взоръ
Досказывалъ неконченныя рѣчи —
А тотъ восторгъ , а тѣ полуслова ,
Пожатые рукъ , условленныя встрѣчи !...
А этотъ вздоръ , которымъ голова
Моя тогда пылала ! Жажда славы !
Какъ всюду я кидался на лукавый
Ея привѣтъ... все улыбалось мнѣ ;
Науки были ясны такъ , какъ слѣзы
Ученые и книги ихъ нелѣпы ;
Какъ подорвать я думалъ въ тишинѣ
Весь хламъ системъ ихъ... но, наскучивъ ими ,
Я бросилъ ихъ , назвавши ихъ смѣшными.
Мнѣ дѣйствовать хотѣлось ! . . .

.....
Какъ это описать ?

Я думалъ , что въ воинственномъ разгулѣ
Есть больше жизни ! Браво ! На Кавказъ !
Вотъ фактъ простой ; случилось не разъ ,
Въ какомъ небудь разграбленномъ аулѣ ,
Въ ущеліи стоишь на караулѣ .
Гдѣ больше прозы ? А какъ заглянуть
Тогда мнѣ въ душу , въ сердце , въ грудь —
Какая тамъ поэма клокотала !
Какая рама ей была !... Потомъ
Все просто : я спѣшилъ въ любимый домъ —
Увы ! кумиръ мой — замужемъ . Сначала
Не вѣрилъ я , а тамъ повѣрилъ . Съ ней
Мы видѣлись — о прошломъ ни полслова ,
Какъ будто все въ порядкѣ шло вещей .
Упрека и отчаянья смѣшнаго
Не обнаружилъ я , и какъ Катонъ ,
Все перенесъ... а сколько есть Катонъ ?
Что жъ это ? Плодъ общественныхъ законовъ ?
Кто не таковъ , тотъ нынче и смѣшонъ...
Сократы въка ! ядъ мы пьемъ послушно ,
Не жалуясь , что смертоносенъ онъ —
Живьемъ себя хоронимъ равнодушно !»

Глава шестая.

—

I.

Такъ онъ сидѣлъ, добыча тяжкихъ мукъ ,
Свѣча горѣла тускло у камша ;
Стихали вокругъ сосѣди къ ночи. Вдругъ
Открылась дверь, въ дверяхъ явилась Нина.
Она была вся въ бѣломъ. По плечамъ
Вилась коса. Порывъ души смятенной
И сумракъ придали ей очамъ
Чудесный блескъ. Не дѣвою смиренной,
Она была Сибиллой вдохновенной,
Внимающей божественнымъ рѣчамъ...
Огонь любви, огонь негодованья
Прекрасныя черты одушевлялъ ;
Румянецъ съ блѣдностью въ лицѣ игралъ ,
Вздымало грудь неровное дыханье.

Владиміръ.

Какъ! Нина здѣсь? Такъ поздно...

Нина.

— О, ты мой!

Ты здѣсь еще!... Нѣтъ, то обманъ, я знала.

Вѣдь ты не думалъ, не хотѣлъ меня

Убить... Ихъ шутка!.. а какъ я страдала

Отъ этой шутки!

Владиміръ.

Бѣдное дитя!

Что, что съ тобою?... Нина, успокойся,

Ты такъ встревожена.

Нина.

О нѣтъ, не бойся!

Владиміръ

Ты плачешь?...

Нина.

Нѣтъ, теперь ужъ я смѣюсь —

Вѣдь я съ тобой. Пускай прійдетъ міръ цѣлый,

Я вокругъ тебя руками обовьюсь,

Какъ змѣй... Я буду биться львицей смѣлой,

И не отдамъ тебя.

Владиміръ.

Скажижь чего

Боялась ты?

Нина.

Ты ѣдешь?

Владиміръ.

До того

Кому пужда?

Нина.

Ты ѣдешь?

Владиміръ.

Да... и скоро.

Нина.

О, есть ли сердце у тебя? Гляди
Въ глаза мнѣ прямо. Чтò въ моей груди?
Прочти чтò въ ней?... Ты понялъ? Приговора
Судьбы ты не прочелъ въ ней?... такъ иди,
Прочь камень съверный, палачъ жестокій...
Прочь! по свѣту скитайся одинокій!
Но... мпльй другъ, клянись мнѣ навсегда...

Владиміръ.

Мой ангелъ, успокойся.

Нина.

Я тверда ,
Я въ памяти. Не глупый бредъ простуды
Мои слова. Послушай , я клялась...
Мнѣ сердце — Богъ ; я сердцу отдалась.
Черезъ мой трупъ ты выйдешь лишь отсюда.
Одно лишь слово — и рѣшилась я.
Скажи мнѣ прямо : любишь ли меня ?

И взоръ , сверкавшій нѣкой дивной силой ,
Она въ него безумно устремила.
Онъ былъ въ борьбѣ съ собой.

Нина.

Не любишь , нѣтъ ?
Знай, гдѣ бѣ ты ни былъ , я пройду весь свѣтъ,
Я отыщу... отыщу... Самъ Богъ порука !

Владимиръ.

Меня ты знаешь , Нина. Жизнь мнѣ мука.
Тебя обречь той мукѣ — нѣту силъ
Во мнѣ. Быть можетъ , я бѣ тебя любилъ
Последнею любовію моею ;
Любилъ бы такъ , какъ , можетъ быть , никто.
Въ моей душѣ вѣдь только заперто

А не погасло чувство — но не смью
Души твоей я отравить собой.

Нина.

Не думай обо мнѣ. Здѣсь жребій мой —
Любовь. Любовь не есть расчетъ презрѣнный
О благахъ жизни, а законъ священный.
Гдѣ голосъ сердца — голосъ Божій въ немъ!
Нельзя любить и разлюбить потомъ...
Въ послѣдній разъ тебѣ, быть можетъ, нынѣ
Твой жребій ясенъ. Другъ мой, выбирай:
Его отвергнуть хочешь ли? Но знай,
Отказъ твой — смерть твоей несчастной Нинѣ.
Я смерть найду.

Владимиръ.

Но Нина, погляди,
Чего ты хочешь. Ко всему презрѣнью
Питаю я; но у меня въ груди
Къ невинности осталось уваженье.
Тебя поймать въ разставленную сеть
Легко; упиться ласками твоими,
И послѣ къ нимъ остыть, охолодѣть,
И послѣ бросить...

Нина.

О, клянусь святыми,

Я поняла огонь твоей души
И благородство чувствъ.

Владимиръ.

И такъ рѣши,
Мой ангель.

Нина.

Я тверда.

Владимиръ.

Семью родную,
Старушку мать и родину святую
Оставить ты должна.

Нина.

Все знаю я.

Владимиръ.

Оставить край, гдѣ все — сады, поля
Блистають розами; гдѣ небо пышетъ
Лазурью жаркой, звѣзды такъ горятъ,
Гдѣ съ дѣтства все лелѣяло твой взглядъ,
И промѣнять все то на край, гдѣ дышетъ
Почти весь годъ и вьюга и морозъ,
Въ нагихъ поляхъ ни миртовъ нѣтъ, ни розъ,
И люди ходятъ — мѣхомъ обвитые!

Нина.

Я знаю все.

Владимиръ.

Оставить кругъ друзей,
И промѣнять ихъ... на какихъ людей?
Ты знаешь ли, что значить свѣтъ? Какія
Тамъ существа? Ты съ ними вѣкъ живешь,
И каковы они — не назовешь.
Въ нихъ скрыто маской чувство и природа,
И даже сердца скована свобода!
Какъ ты войдешь отъ головы до пятъ
Тебя измѣрять ихъ холодный взглядъ;
Пустой привѣтъ ихъ рѣчи — шипъ змѣиный;
Ихъ пустоту подъ пышною личиною
Ты въ силахъ снести?

Нина.

На все готова я,
На все, на все! Въ тотъ мигъ, когда тебя
Я встрѣтила, тогда лишь я узнала,
Что у меня въ груди есть сердце. Ты
Его извлекъ изъ сна и темноты,
И съ той поры мнѣ жизнь понятна стала;
Ты вокругъ меня разлилъ чудесный свѣтъ...
Пѣть, я Карлино не любила... пѣть!

И какъ звезда вечерняя склонила

Она головку ко груди его ,
И повторяла глядя на него :
«О нѣтъ, нѣтъ, я Карлино не любила...»

Карлино (*входитъ*).

А онъ тебя, преступница, любилъ,
Неблагодарная, любилъ душою!...

Нина.

Онъ здѣсь, о Боже!...

Карлино.

Здѣсь и слышалъ все.

Нина.

Ты слышалъ?... Что жъ ты слѣдуешь за мною?

Карлино.

Ты думаешь, что счастье свое
Продамъ такой я низкой цѣною?

(*вынимаетъ ножъ*).

Молись, въ послѣдній разъ молись! змѣя!

Нина.

Владиміръ... Боже! онъ убьетъ меня...

(*Владиміръ беретъ кинжалъ. Нина бросается между
ними*).

Нина (*Владимиру*).

Оставь его: онъ звѣрь! онъ звѣрь!... Карлино!
Отъ дѣтства знала друга я въ тебѣ —
Молю я, выслушай!... Моей молебъ
Отказа ты не зналъ... я та же Нина...

Карлино.

Та жъ Нина!... Мною пригрѣтый змѣй...
Та Нина! Та, кого отъ дѣтскихъ дней
Лелѣялъ я, какъ мать лелѣеть сына,
Иль болѣе — вѣдь такъ не можетъ мать,
Какъ я тебя, любить и обожать...
И что жъ? съ другимъ цѣлуясь, все забыла,
Клянется, что меня и не любила!...

(*Владимиру*).

Оставь ее, оставь: она моя.

Владимиръ.

Бой съ женщиной... постыденъ бой неровный...
Стыдися! за нее отвѣчу я!
Условимся спокойно, хладнокровно.
Сойдемся за горой съ разсвѣтомъ дня.
Судья намъ будетъ Богъ.

Карлино.

Изволь съ тобою
Сойдемся завтра... нынче съ ней расчетъ.

Нина.

Не вѣрь ему , Владиміръ , онъ убьетъ ,
Обманетъ!

Карлино.

Замолчи!... *(Убиваетъ ее)*.

Знай , я люблю умѣлъ — умѣю мстить!...
Людей пустыхъ угрозъ я не робью ,
Я жилъ съ людьми: былъ добръ; умѣлъ любить,
И наругаться ими я сумѣю!

Нина.

Бѣги!... ему , о другъ мой , не вѣрайся.
Знай , знай , Карлино , я его люблю.

Владиміръ.

О Нина...

Нина.

Другъ... увидимся... спасайся...

Владиміръ.

Убийца низкій ! я отмщу , злодѣй!

Карлино.

Увидимъ ! *(кидается къ окну)*.

Эй ! на помощь ! помогите !

Разбой , разбой ! Преступникъ здѣсь ! Вяжите !

(Вбѣгаетъ народъ).

Вотъ онъ : давно за Ниной моей
Ухаживалъ и сѣти ставилъ ей.
Онъ заманилъ ее : угрозой , лестью
Онъ оболѣститъ , злодѣй , ее хотѣлъ.
Въ слезахъ она противилась безчестью ,
Кричала . Я на вопль ея поспѣлъ.
Вломился въ дверь . Онъ , яростью кипящій ,
Ее зарѣзалъ ! .. Нина , ангелъ мой !
Толь было намъ обѣщано судьбой ?

Владимиръ.

Онъ лжетъ , онъ лжетъ !...

Народъ.

Она какъ ангелъ спящій !

Ужели онъ убилъ ?

— Онъ былъ всегда

— Такъ добръ.

— Да , добръ ; всегда похожъ на волка.

Я говорилъ , не будетъ никогда

Отъ этихъ выходцевъ пути и толка.

— Ахъ онъ злодѣй !

— Карливо бѣдный ! Жаль

Его : они другъ друга такъ любили !

— А мать чего смотрѣла ? Были

Советы ей.

— Ее убьетъ печаль.

— Да, съ полчаса тому, какъ забѣгала

Она ко мнѣ и дочери искала.

— И къ намъ! — И къ намъ!

— Я только что ложусь,

Карлино въ дверь: вѣдь испугалъ, божусь!

СЬОРА ТЕТА.

— Гдѣ, гдѣ она?... Дитя мое родное!

Дитя мое!... Проснися, золотое!

Откликнись! что я сдѣлала тебѣ?

Нинета! или ты меня не знаешь?...

За что, о Боже, ты меня караешь?...

Къ такой ли я готовила судьбѣ

Тебя, мой ангелъ... О безчеловѣчный,

Я изорву тебя... я кровь твою

Испью... Или убей меня, молю,

Я буду съ ней, съ моею Ниной вѣчно!

КАРАБИНЕРЫ.

Прибрать старуху. Тѣло унести.

НАРОДЪ.

Да, бѣдной ей пришлось теперь плести

На дочкинъ гробъ гирлянды подвѣчны.

КАРАБИНЕРЫ.

Преступника , свидѣтеля свести
Въ тюрьму. Карлино! Гдѣ онъ ? гдѣ онъ ? скрылся !

Н а р о д ъ .

Чтобъ съ горя онъ на жизнь не покусился.

Глава седьмая.

I.

Идутъ года... Съ Адама мы твердимъ
Единодушно эту правду злую.
Оставимте Италию святую ,
Оставимте Фраскати , пышный Римъ ,
На нашу Русь заглянемте родную.
Я думаю , ужь я наскучилъ вамъ
Твердя одно : «Италиа святая !»
Но вѣдь она не вовсе намъ чужая ,
Дары ея завѣщаны и намъ.
И намъ ея отворены чертоги ,
И мы званы священствовать во храмъ ,
Гдѣ царствуютъ досель , на зло вѣкамъ ,
Изъ мрамора изваянные боги ;
Гдѣ властвуетъ надъ нѣжною душой,

И красоты и славы мощный геній ,
Гдѣ въ золотѣ и въ бронзѣ въковой
Повсюду мысль протекшихъ поколѣній
Записана ихъ творческой рукой...
Вкругъ этихъ чертъ бродящіе народы,
Читая ихъ, вы поняли ль ее ?
Въ себѣ, въ себѣ узнали ль бытіе
Иной, святой, возвышенной природы
И чувствъ иныхъ біеніе въ груди ?
Не поняли ? Такъ Богъ ужъ васъ суди !

II.

И такъ прости, прости на годы многи !
Быть можетъ, я подъ миртъ твой вновь прійду,
Но тотъ же ль буду ? Тѣ же ли найду
Здѣсь сердца сны, восторги и тревоги ?
Иль постепенно съверъ заморить
То, что меня теперь животворить....
Прощай руинъ зеленый плющъ и розы,
И ты, царица спящихъ сихъ долинъ,
Грусть думная, восторженныя слезы....
Пойму ль когда опять языкъ руинъ ?
Отвѣчу ль имъ высокими страстями ?....
Прощай, о говоръ вѣчно шумныхъ струй,

И ты смуглянка , съ яркими очами ,
И жаркій нашъ подъ миртомъ поцѣлуй....
О, трудно мнѣ послѣднее прощанье,
Италія , въ слезахъ тебѣ сказать ,
Какъ тяжело , о милое созданье ,
О ангелъ мой , въ послѣднее лобзанье
Отъ устъ твоихъ уста мнѣ оторвать.

III.

Прислушайтесь.... звучатъ иные звуки...
Унынье и отчаянный разгуль...
Разбойникъ ли тамъ пѣсню затянулъ,
Иль дѣва плачетъ въ грустный часъ разлуки ?
Нѣтъ , то идутъ съ работы косари...
Кто жъ пѣснь сложилъ имъ ? Какъ кто ? Посмотри
Кругомъ : лѣса , саратовскія степи ,
Нужда , да грусть , да думушка.

IV.

Пойдемъ на звукъ волынки полевой.
Какъ вечеръ тихъ ! Въ росъ фіалка дышетъ ;
И свищетъ соловей въ глуши лѣсной,
И долго въ ночь заря на небѣ пышетъ.

Вотъ барскій домъ на холмѣ. Вкругъ стоятъ
Пушистыя березы вѣковыя,
Ряды теплицъ, а подь горою садъ
И прудъ, а тамъ избушки тесовыя *а тамъ тесовыя*
По берегу излучистой рѣки.

V.

Вотъ на гору поднялись мужички,
Все съ пѣсиями; но только увидали
Господскій домъ, примолкли, шапки сняли;
Прикащикъ къ барину пошелъ одинъ,
Чтобъ доложить какъ много десятинъ
Распахано, и скошено, и сжато.

VI.

Кто жь баринъ-то! Узнаете ль вы его,
Читатели?... Разказа моего
Онъ былъ герой въ Италиі богатой.
Да полно онъ ли? Какъ онъ потолетьлъ,
(Что значитъ въдь у насъ, похорошѣлъ)
Румянъ, здоровъ, глаза какъ маслянисты,
И праздничный какой имѣеть видъ!...
Что жь? Дай Господь! Въ деревнѣ аппетитъ,
Движенъе, сонъ, хозяйство, воздухъ чистый...

VII.

Владиміръ! здравствуй! Какъ-то ты живешь?
Рисуешь, пишешь, классиковъ читаешь?
Остришь надъ всѣмъ? влюбленъ? успешно?.. Чтожь?
О, милый мой, какъ громко ты зъваешь!...
Посмотримте, какъ онъ проводитъ день.

VIII.

Онъ возвратясь давно изъ-за границы,
И не заѣхалъ въ русскія столицы,
А въ глушь своихъ забился деревень.
Выписывалъ газеты и журналы,
Сперва читалъ ихъ всѣ, а послѣ мало,
И наконецъ читать ихъ пересталъ.
Онъ Quotidienne и Siècle получалъ,
И прочіе различнаго объема,
Различные умомъ и остротой,
И наконецъ Diario di Roma,
Съ его кузиной Съверной Пчелой.

IX.

Разъ дождикъ шелъ. Какъ кровлею тяжелой,
Все небо тучею обложено.

Туманъ сокрылъ и холмики , и доли ;
И грязь , и сыро , скучно и темно .
Владиміръ поздно всталъ ; пилъ чай душистый ;
Кольцомъ пускалъ изъ трубки дымъ волнистый ;
Насвистывалъ затверженны давно
Въ Италиі еще , два-три мотива —
Fга росо — изъ Лучиі , Casta diva
Изъ Нормы , и свистя , смотрѣлъ въ окно ,
Иль въ комнатѣ ходилъ діагонально .
Остановясь передъ окномъ , въ стекло
Сталъ барабанить . « О климатъ печальный !
« Какая грусть ! Ни выйти на село ,
Ни на гумно ! Чай озимь пострадаетъ...
Похать на охоту ?... да хромаетъ
Пегасъ . Къ тому жъ я что-то тяжело
И беспокойно ночью спалъ сегодня .
Дай заглянуть въ какойнибудь журналъ . »
Онъ кипу цѣлую журналовъ взялъ ,
Случайно вынулъ номеръ прошлогодиій
Diario di Roma и читалъ :

« Богоотступникъ и злодѣй Карлино ,
« Оставивши Абруцци , между скалъ
« Разбилъ свой станъ , подъ самой Палестриной .
« Извѣстный Лордъ *** проѣзжалъ

« Въ Неаполь и, съ семействомъ и женою,
« Заръзанъ былъ разбойничьей толпою.
« Межь жителей распространился страхъ ;
« Правительство усиливаетъ мързы :
« Отправлены туда карабинеры ,
« Учреждены конвои на путяхъ. »

— Карлино?... Ужь не онъ ли тотъ Карлино ,
Котораго знавалъ я?... Можетъ быть.

— Онъ далѣе читалъ :

« Но изловить
« Не могутъ шайки, и отъ Палестрины
« Уже къ Дженсано перешелъ злодѣй.
« Намедни шли въ Альбано капуцины
« И дѣвушка. Презрѣнный извергъ сей
« Заставилъ ихъ плясать, а самъ съ своей... »

Но на бѣду, вошелъ на мѣсть этомъ
Павлушка въ дверь (смотритель за буфетомъ).

Ужасно хочется мнѣ въ мой разказъ
Всего два слова лишнія прибавить
На счетъ Павлушки, чтобъ, шутя, для васъ
Всю біографію его представить.
Онъ бариномъ еще покойнымъ, старикомъ,
Былъ взятъ во дворъ господскій казачкомъ.

Одѣтъ былъ въ казакинъ и панталоны
Широкіе, а на груди патроны.
Донинъ казакина своего
Онъ не лишилъ нашивки сей. Его
Павлушкой звали дѣвушки-вострушки,
И до сѣднѣ остался онъ Павлушкой.
Вотъ все.

ПАВЛУШКА.

Обѣдъ готовъ-съ.

ВЛАДИМИРЪ.

Что супъ иль щи?

ПАВЛУШКА.

«Вы приказали щи.

ВЛАДИМИРЪ.

Еще что будетъ?

Жаркое дичь ; съ подливкою лещи...

ВЛАДИМИРЪ.

Скажи-ко повару, не то забудетъ,

Чтобъ онъ въ подливку луку покрошилъ.

Пойти обѣдать.

(За обѣдомъ).

Павлушка.

Утромъ приходилъ

Петрушка Чайковскій.

Владиміръ.

Ну что жъ ?

Павлушка.

Ишь , баринъ

Его просилъ откушать васъ. Татаринъ

И Лыковъ будутъ.

Владиміръ.

Что жъ миѣ до сихъ поръ

Не доложилъ ?

Павлушка.

Онъ былъ часу въ десятомъ,

Вы почивать изволили. Да въ дворъ

Еще набѣжалъ было Ласловъ съ братомъ,

Я отказалъ.

Владиміръ.

Что жъ это ? за меня

Распоряжаться стали вы ?

Павлушка.

Да я

Подумалъ такъ , что будетъ неугодно

Вамъ ихъ принять.

Владимиръ.

Я могъ бы отказать

И самъ. Какой вы весь народъ негодный!

Мнѣ все впередъ докладывать, сказать.

Ты слышишь?

Павлушка.

Слушаю. Еще въ то жь время

Прикащикъ былъ и приносилъ вамъ сѣмя

Какое-то, прислали въ образецъ.

Владимиръ.

Зайдетъ пусть послѣ. Рябчикъ пережаренъ.

Обѣдъ свой жирный кончивъ наконецъ,

Отправился всхрапнуть часокъ нашъ баринъ;

Проснувшись, сталъ пить чай, и взялъ

Докачивать начатый имъ журналъ.

«Посмотримъ, какъ плясали капуцшы

Подъ дудочку несчастнаго Карлино;

А дѣвушка?

«Презрѣнный извергъ сей

«Заставилъ ихъ плясать, а самъ съ своей

«Богонпротивной шайкой любовался,

«И послѣ роспалъ, какъ ужь наругался.

«(На небесахъ награда будетъ имъ:

« Ихъ церковь сопричислила къ святымъ .

« А дѣвушка , обнявъ его колѣни ,

« Молила умертвить ее скорѣй .

« Но не внималъ свирѣпый извергъ ей ,

« Не тронули его мольбы и пени

« И обнялъ онъ ее и цѣловалъ ,

« И у себя три дня ее держалъ .

« Межъ тѣмъ , такой же страстию пылая ,

« Озлобленны товарищи его

« Предать вождя рѣшились своего .

« (Ихъ вразумила Дѣва Пресвятая ,

« Заступница людей передъ Творцомъ) .

« Къ Неттуно перешелъ своимъ онъ станомъ .

« Проснувшись утромъ , поглядѣлъ кругомъ ,

« И видитъ онъ одинъ ; предъ атаманомъ

« Изчезъ его разбойничій народъ ;

« На мѣсто ихъ карабинеровъ взводъ .

« Онъ взять ; сидитъ въ Сантъ-Анджело , и скоро ,

« По составленьи формы приговора ,

« Близъ храма Весты будетъ онъ казненъ .

« На исповѣдь итти не хочетъ онъ . »

— « Карлино ! мы съ нимъ встрѣтились однажды .

Былъ въ жизни намъ одинъ урокъ , но каждый

По своему его растолковалъ.
Несчастный ! Помню онъ всегда бывалъ
Такъ скромень , тихъ , въ мечтаньяхъ благородень...
Я помню... но я развѣ съ нимъ не сходень ?
Обмануть былъ онъ жизнью такъ какъ я ;
Мы оба стали тѣже мизантропы —
Надъ нимъ гремятъ проклятія Европы ,
А я слыву какъ честный человѣкъ....
Да чѣмъ же лучше я ? О жизнь ! о вѣкъ !

«Павлушка ! эй ! прикащику Ивану
Скажи , докладъ я принимать не стану.
За ужинкомъ я гуся буду ѣсть,
Да сыръ. Въ ѣдъ спасенье только есть !»

Yours truly
John G. ...

LIBRARY OF CONGRESS

0 003 491 173 3

LIBRARY OF CONGRESS

0 003 491 173 3

